

Р. В. ПИКЕЛЬ. Великий материалист древности (Демокрит). С предисловием Л. И. Аксельрод (Ортодокс). «Новая Москва», 1923. Стр. 113.

Живейший интерес, с которым подходишь в настоящее время ко всякому историко-философскому исследованию, столь редкому у нас, в марксистской литературе, должна была бы вызывать и книжка т. Пикеля, сразу обостряется после двух удивительно глубокомысленных эпитафий. Один эпитафий из Ф. Бэкона: «Философия Д. заслуживает того, чтобы мы отомстили за ее забвение». Другой эпитафий из доброго, всегда готового к услугам, Ф. Ланге: «Демокрит должен быть причислен к величайшим между великими мыслителями древности-». Бедные потревоженные тени

Но если я начал с эпитафий, можно ли обойти молчанием «введение» т. П.? В самом сжатом виде я могу высказать следующие замечания.

Во-первых. Если «натурфилософия... в буржуазной философии находится на задворках, на положении падчерицы», а «метафизики и эклектики за версту старались ее обходить», то непонятно, почему эта же самая «натурфилософия далека от марксизма, часто даже приводила в теории к идеалистическому мирозерцанию и на практике к реакционной политике»? Очевидно, понятие «натурфилософия» не столь просто, ибо она не является «единственной» «правильной» исходной точкой при научном анализе, как думает т. П.

Во-вторых. «Насколько нам известно, не только в русской, но и в иностранной историко-философской литературе это первая попытка дать самостоятельную работу о Демокрите. Если об Аристотеле и Платоне написаны во всех странах сотни книг, то о Демокрите, кроме десятка статей, ничего нет». Нам не зачем доказывать, что говорить так, в такой безоговорочной форме, по меньшей мере, преждевременно. У Ибервега, в его *Grundriss'e* (изд. 1920, а не русск. пер. 1876, который цитируется автором), можно найти литературу о Демокрите, именно специально о нем, и не только статьи, но и крупные монографии, среди которых, правда, у него отсутствуют работы последних трех лет. Далее автор пишет: «Великий материалист древности еще ждет своего Плуларха и, конечно, не в наши дни, когда из сочинений Демокрита нам известны ничтожнейшие отрывки только некоторых, а об остальных мы знаем только по названиям, писать исчерпывающую монографию». Не в наши дни... Не думает ли т. П., что сочинения Д. еще являются предметом археологических раскопок? Не надеется ли он, что настанут дни, когда мы будем располагать полным собранием сочинений Д. Это—о «введении». Теперь о книге.

В первой главе т. П. трактует вопрос о «социально-экономическом развитии Греции в VII—V веке до Р. Х.». Живое, аргументированное конкретными фактами изложение создает целостное впечатление, и у читателя остается довольно полное представление о социально-экономической истории Греции в VII—V веке. Эта глава могла бы быть прекрасным введением в популярный учебник истории греческой философии. Но в работе о Д. она требует весьма существенных поправок. Д. был ближе к ионийским колониям, чем к Греции. Путешествия не могли не сталкивать его с хозяйственным и политическим опытом восточных народов. Ионийцы, в свою очередь, находились в теснейшей связи с северным побережьем Эгейского моря. И если историю ионийских колоний, конечно, нельзя понять вне истории Греции, то историческую обстановку, в которой выросло мировоззрение Лев-

киппа и Демокрита, нельзя понять без тщательного изучения культуры восточного побережья Эгейского моря.

Вторая глава — «Развитие греческой философии до Д.» страдает тем, что о развитии греческой философии в ней речь идет лишь в заглавии. Изложение ведется по следующей—общепринятой, впрочем—схеме: «Фалес называл первичным веществом воду... Анаксимандр не считал возможным, чтобы подобного рода первичное вещество могло встречаться... Анаксимен выбрал воздух... Пифагор воспринимает от Анаксимандра понятие о первооснове... В учении элеатов впервые четко проводится грань между философией природы и философией познания... Парменид исправляет недостаток своего учителя... В заключение обзора элеатского учения следует остановиться на Зеноне... Блестящая плеяда позднейших (?) натурфилософов открывается Гераклитом. Он—основатель так называемой философии становления»... и т. д., и т. д. Всеми выписанными здесь фразами начинается изложение каждого философа в отдельности. Никакой объединяющей идеи, никакого обобщающего метода, никакого прагматизма в анализе, никакой «истории»!

В третьей главе, излагающей «атомистическое учение в философии до Демокрита», также есть много спорного. Автор подробно останавливается на индийской философии, пользуясь книгою Мабильо, но ни в этой, ни в предшествующей главе («Развитие греческой философии до Д.») он ни слова не говорит о том, что же собственно вошло в атомистику Д. от его предшественников. Автор ограничивается указанием, что Д. «отобрал зерна от плевел и, сохранив все драгоценное, дал поразительную»... и т. д., и пр. Во-вторых, Мабильо далеко не авторитетная величина в этих вопросах. Это известно мало-мальски сведущему в литературе читателю. В-третьих, не совсем серьезно звучит указание, что приходится пожалеть только о недостаточном исследовании и знакомстве наших историков и философов с «индийской философией». Не говоря уж об «*Indische Studien*» Альбрехта Вебера, можно указать целый ряд

фундаментальных исследований в этой области, не принятых во внимание автором, слишком слепо идущим за Мабилью, и утверждающих как раз обратное—именно, что атомистика в Индии объясняется заимствованием из Греции! Впрочем, это отвечает тому кругу источников, которым пользуется он. Вот эти источники. С. Трубецкой «Курс истории философии», статья С. Трубецкой в Энцикл. словаре Брокгауза и Ефрона, т. 18, статья М. Хвостова в Энцикл. слов. Граната, краткий курс Целлера «Очерк ист. греч. философии» (русск. пер. 1913), русск. издание 1876 г. Ибервега «История греч. философии», статьи С. Гогоцкого в его «Философском лексиконе» (1861), книга Редкина «История философии» (1889), статья Корсунского в журн. «Вера и Разум» (1855), статья Бертло в «La grande encyclopedie», русск. пер. Риттера «История философии» (1839), Ланге «История материализма» (1899), две цитаты из «досократиков» Маковельского и одна из Гейберговского издания Архимеда. Тут комментарии излишни.

Подобный круг «первоисточников» отражается и на 4-й главе: «Философия Д.». Первая часть—«жизнь Д.»—полна совершенно фантастическими фактами. Касаться их я не буду, ибо пришлось бы опровергать почти каждую строчку. Нельзя не отметить только: 1) что «миросозерцание»—переведено неправильно (вместо «миростроения», это—мелочь, но что означает «великое и малое миросозерцание»?); 2) что 80 олимпиада приходится на 460—457 гг. до Р. Х., а не на 480—470 гг., 3) что если Ксеркс был в Абдере «между 450—470 гг.», то он не мог оставить воспитателей для Д., родившегося в 460 году, и, наконец, 4) что «собрание фрагментов Д.» в издании Муллаха (1883) ни в коем случае не может быть использовано в книге о Д. (а т. П. ведь все-таки написал книгу о Д.)» не привлекая текста, обработанного Дильсом. Собрание Муллаха весьма неполно и некритично (хотя я и признаю несколько преувеличенным общепринятое в литературе строго отрицательное отношение к нему). Это признает также и Гомперц, у которого т. П. добросовестно списывает, не называя

его имени (напр., вся стр. 64). Я не буду касаться также изложения философии Д.; оно проводится в том же духе, в каком написана глава о «философии до Д.» и о котором было уже выше сказано. Получается какая-то мозаика, лишенная внутреннего систематического единства и не создающая цельного впечатления у читателя. То же самое следует сказать и о последней главе: «Развитие атомистики после Д.». Не имея ясно осознанного понятия о генетическом, диалектическом методе исследования, автор следует, если так можно выразиться, «биографическому» способу изложения.

Я думаю, что мои замечания не умаляют по существу значения книги, которая есть, несомненно, плод самостоятельной работы мысли. Выбросив весь греческий текст ее, можно было бы обработать в качестве, если не исследования (для этого необходимо знакомство с первоисточниками, которого у автора нет, вопреки замечанию тов. Аксельрод в предисловии к книге), то популярного очерка из истории научного мировоззрения. Для этого у автора имеются все данные, и речательством за это может служить блестящее, по удивительному богатству выраженных в нем мыслей, предисловие, которое принадлежит перу такого выдающегося представителя марксистской философии, каким является тов. Л. И. Аксельрод-Ортодокс.

Григорий Баммель.